



IN MEMORIAM

**Ирина Аркадьевна
Зайцева**



20 февраля 1951 — 7 августа 2024

Ирина Аркадьевна Зайцева — один из старейших сотрудников нашего института, хотя слово «старейший» как-то не вяжется с ее обликом, всегда солнечным, ясным, поистине прекрасным.

Выпускница Московского университета (закончила его в 1974 г.), ученица А.И. Журавлевой, в 1974 г. она пришла в Институт мировой литературы, сначала в Отдел по изданию собрания сочинений М. Горького, где готовила черновые рукописи романа «Жизнь Клима Самгина», горьковские письма и проч. Одновременно продолжала заниматься Лермонтовым, которым заинтересовалась еще в университете, защитила в 1983 г. диссертацию по его прозе. Работа над десятком статей об авторах «второго ряда» для многотомного словаря «Русские писатели 1800–1917» выработала, по собственному ее признанию, научный перфекционизм, которым на самом деле всегда отличались работы И.А. Зайцевой, развила вкус к архивным поискам.

В 1990 г. И.А. Зайцева перешла в Отдел русской классической литературы ИМЛИ (его тогда возглавляла Л.Д. Громова-Опульская), в группу по подготовке Полного собрания сочинений и писем Н.В. Гоголя, задуманного по инициативе Ю.В. Манна и С.Г. Бочарова.

То, что сделала И.А. Зайцева для издания Гоголя, неценимо. Два сложнейших тома — четвертый, в котором опубликована комедия «Ревизор», и седьмой, в двух книгах («Мертвые души», том 1), были подготовлены ею совместно с Ю.В. Манном в составе этого издания. Те, кто хоть немного знаком с текстологией Гоголя, знают, насколько тяжела и запутанна текстологическая история этих произведений, имеющих огромное количество черновых редакций, набросков, вариантов. Собрать их воедино, классифицировать, осмыслить их внутреннюю логику и последовательность предполагало поистине титанический труд, и труд этот упал на плечи И.А. Зайцевой. Человек поразительной скромности и великодушия, Ирина Аркадьевна не хотела подчеркивать свою роль в создании этих ставших ныне поистине каноническими томов — на обороте титула, в особенности первого тома «Мертвых душ», читатель увидит большое количество имен тех, кто внес свою малую посильную лепту, и среди которых имя И.А. Зайцевой почти теряется. Но мы-то знаем, кому принадлежит заслуга...

В последние годы И.А. Зайцева совместно с Н.Л. Виноградской готовила том 13 Полного собрания сочинений и писем, а по сути том первый его переписки, который станет, да уже и стал, определенным камертоном в подготовке эпистолярного наследия Гоголя, — том, который даже самые строгие критики признали образцовым. В на-

стоящее время он находится в издательстве «Наука», и Ирина Аркадьевна, несмотря на тяжелую, изнуряющую болезнь, практически до последних своих дней читала и правила верстку.

Высокий подвиг ученого... И.А. Зайцева была, действительно, профессионалом самого высокого толка. Мы — гоголевская группа — недавно — с уходом Ю.В. Манна — осиротели. С уходом И.А. Зайцевой мы осиротели вдвойне.

Но сейчас хочется говорить о человеческих, душевных свойствах Ирины Аркадьевны. Потому что она была камертоном еще и в человеческих отношениях: при ней неудобно было поступать несправедливо. Для решения самых сложных вопросов и проблем она всегда находила мудрые решения и умные и лапидарные формулировки. Я никогда не встречала более чистого, светлого, честного и скромного человека. И только последнее качество не дало возможности сказать все это Ирочке при жизни. Может быть, теперь она чудесным образом это услышит.

Нам уже сейчас безумно ее не хватает. И будет не хватать всегда.

Мы все оплакиваем этот уход. Пусть земля будет ей пухом. И вечная память в наших сердцах.

С сердечной болью
Е.Е. Дмитриева
(ИМЛИ РАН)

Трудно выразить словами, кем была для меня Ирина Аркадьевна: наставником, единомышленником, собеседником, соавтором, другом. За возможность работы с ней я не перестаю благодарить судьбу. В ней всегда можно было найти понимание, поддержку, заботу, тепло. Она направляла и самоотверженно помогала — но очень деликатно, мягко, ненавязчиво, приглашая к совместному размышлению, никогда не осуждая. Ее больше нет с нами, но разговор с ней мы будем вести всегда, она продолжает жить во всех тех, кому дарила душевное участие, мудрость, доброту.

Н.Л. Виноградская
(Гоголевская группа ИМЛИ РАН)

Человек кроткий, сердечный и теплый, обладающий даром искреннего сопереживания и деятельного соучастия — и человек неколебимо твердый в научных и нравственных принципах, профессионал

высочайшего уровня, напрочь лишенный мелочного честолюбия, преданный работе, друзьям и коллегам, человек, нежно любимый всеми, кто ее близко знал — такой была Ирина Аркадьевна Зайцева. Для Института мировой литературы, для гоголевского издания, в которое она вложила столько труда, эта утрата невосполнима.

Приношу глубокое сочувствие всем, кому была дорога Ирина Аркадьевна.

М. Виралайнен
(ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН)

Ирина Аркадьевна Зайцева — ученый, с которым я имела счастье познакомиться благодаря совместным трудам над Полным собранием сочинений Гоголя. Несмотря на то, что отношения наши были по преимуществу деловыми, рабочими, память осталась самая добрая и очень человеческая. Ирина Аркадьевна запомнилась мне как глубокий текстолог, самоотверженный ученый, тонкий и хрупкий человек. Она стала для меня образцом той научной школы, которую я почти уже не застала, но которая, как мне представляется, шла еще от дореволюционной России. Внимание к мелочам, способность не разбрасываться, сознание значимости кропотливой и тонкой работы текстолога и комментатора, которая никогда не будет заметной и эффектной. Мне кажется, характер Ирины Аркадьевны как нельзя более точно соответствовал этому образу, или наоборот — был сформирован долгим и верным филологическим трудом.

Я сохранила неизменную благодарность Ирине Аркадьевне за ее готовность войти в труды коллег, помочь добрым и тактичным советом, за особую атмосферу общего дела, общего труда, которую она так ценила и так умела создавать вокруг себя.

Сохранилась наша не слишком большая переписка, в которой каждое письмо Ирины Аркадьевны имело свое имя — «ответная», «частная», «наши дела», а не было сформатировано автоматическим нажатием на кнопку «ответить». Мне кажется, несколько фраз из этих писем могут внести свой вклад в память об этом светлом человеке:

«К сожалению, жизнь преподносит испытания и проблемы, отвлекающие от насущных дел. Спасение от этого только в одном — непрерывность работы, которая не позволяет застать врасплох».

«Я — рядовой работник, у меня нет никаких прав вмешиваться, советовать, торопить».

«Все размышляю. Надумала пока только одно. Спасение только в личной инициативе».

«В словаре “Русские писатели” работа всегда шла именно так: автор — редактор — автор (несколько раз), потом один рецензент, доработка, второй рецензент, доработка. Самый большой опыт я приобрела именно у них и очень им благодарна».

«Будем, конечно, стараться шадить друг друга. Я всегда за это».

«Вкладываться в том — это не пустое дело. Он надолго остаётся. Вес его велик».

«Будем уточнять, совершенствовать нашу работу. Ваше выступление заставило меня задуматься о “представлении лица”. Это сложная вещь, требующая объективного взгляда, гармонии, честности, такта. Словом, большая комментаторская проблема».

«Юлечка! Я уверена, что эта работа попала в любящие и профессиональные руки. Только время нужно».

К сожалению, время человеческой жизни истекает и иссякает... Но остаётся память человеческая и память Божья.

Вечная память дорогой Ирине Аркадьевне.

Ю. В. Балакшина
(РГПУ им. А.И. Герцена)

С Ириной Аркадьевной я была знакома не очень давно, и ковид, а потом ее болезнь, к сожалению, лишали нас очных встреч. Но достаточно было и один раз увидеть ее и поговорить с ней, чтобы понять, какой она редкий человек.

Подлинный профессионализм, потребность делиться знаниями и опытом, умение объяснить просто и доходчиво, готовность откликнуться на любой вопрос или просьбу (даже когда физическое самочувствие не очень это позволяло), внутренняя интеллигентность, скромность, деликатность, нежелание кого-то обременять, спокойствие, умение найти нужные слова даже в самых сложных ситуациях, способность слышать другого и принимать чужую точку зрения, не навязывая своей, — такой запомнилась мне Ирина Аркадьевна, хотя говорить о ней в прошедшем времени не хочется. А еще поразительная работоспособность — даже в тяжелые для нее времена болезни, умение четко планировать работу и все успевать, полная самоотдача и преданность делу.

Ирина Аркадьевна вместе с Наталией Леонидовной Виноградской провела для нас несколько обучающих семинаров — уже дистанционных, четко продуманных, выстроенных, содержательных, на которых, несмотря на то что они проходили не очно, было очень комфортно — как-то по-домашнему тепло и уютно. Эти встречи позволяли не про-

сто что-то узнать «в теории», но и попробовать выполнить небольшие задания — всегда подготовленные для нас заранее, а затем сообща их обсудить. А потом можно было задать вопросы — не только по теме семинара. Ирина Аркадьевна всегда на них очень охотно отвечала и, даже когда уставала и чувствовала себя неважно, не признавалась в этом. Как-то, уже в пору болезни, она написала, что наши встречи-семинары очень ей дороги, — были они очень дороги и нам. Не только потому, что появлялась возможность чему-то научиться и о чем-то спросить, но и потому, что после них оставалось в душе очень хорошее, светлое чувство и хотелось работать — бежать в архив, делать то, о чем узнал или что наконец понял.

Тонкий, глубокий, ранимый и очень стойкий человек с чистой и нежной душой. Дорогая Ирина Аркадьевна, нам Вас так не хватает...

Оксана Голодняк

(Гоголевская группа ИМЛИ РАН)